

Шли вечера в Колонном зале, Пастернак — рядом с Ахматовой. При её появлении зал вставал. Он сам отнёс ей на Ордынку корзинку своей, переделкинской, клубники. Своя клубника, своя картошка — это надёжно. Есенин прав: пастернак — это такое огородное растение.

В «Знамени» напечатаны стихи из романа. И слова «Доктор Живаго» ттиснуты на современной странице, запятнаны им.

Так и написал — «ттиснуты», «запятнаны».

Эти слова — «Доктор Живаго» — как пятна солнца на странице журнала: «Я люблю свою жизнь и доволен ею... Жизни вне тайны и незаметности, жизни в зеркальном блеске выставочной витрины я не мыслю».

В 1946 году была страшная засуха, потом было августовское партийное постановление по Ахматовой и Зощенко. Удары шли и по Пастернаку. Ему всё припомнили и, конечно, трепали старую строчку: «Какое, милые, у нас ты сячелетье на дворе?» Книга стихов пошла под нож.

Нина Табидзе подарила Пастернаку писчую бумагу расстрелянного Тициана, и он писал ей: «Роман... достоин перенесения на его бумагу и... мысленно, с самого возникновения был посвящён Тициану... Потом я решил, что бумага слишком хороша для такой пачкотни, и перенёс работу, вместе с ощущением этой благородной желтизны слоновой кости, согревшей мою выдумку, на другой, более простой сорт бумаги... Тицианова бумага определила мой новый стиль...»

Он старается уклоняться от всяких общественных движений, зимует в Переделкино. Пастернак — это такое растение. «У нас полподвала своего картофеля, две бочки шинкованной капусты, две бочки огурцов... Ах, как вкусно ещё живётся... как ещё рано сдаваться, как хочется жить...» Лучшим подарком для него стал барометр и уличный термометр — Ивановы подарили, добрые переделкинские соседи.

Все мечты его в театре.

Он с женою и детьми

Тайно, года на два, на три

Сгинет где-нибудь в Перми.

Но наступило Рождество, и на ёлке у новых друзей Ливановых навзрыд сла-

гается «Рождественская звезда». В редакции «Нового мира» он увидел Ольгу Ивинскую. Роман на бумаге и роман в жизни. Стихи — и какие стихи:

Мело, мело по всей земле

Во все пределы.

Свеча горела на столе,

Свеча горела...

Он ходил по московским улицам, смотрел в московские окна, и там была преображённая жизнь, окрашенная его любовью.

«Всё мне было трын-трава, и казалось, что всё мне удаётся».

Они встречались у памятника Пушкину и бродили по Москве. Их видели в Третьяковском проезде: он — помолодевший, «счастливцев из счастливых», Ольга — с туманным взором, распущенными волосами. Он звал её Люсей, потому что была другая Ольга — сестра. Он начал носить голубые рубашки, как Есенин, и шарф синий в красную клетку.

Как будто бы железом,

Обмокнутым в сурьму,

Тебя вели нарезом

По сердцу моему.

Как мальчишка, он влетел в вагон метро и дверью ушиб правую руку. Всё ему нипочём! Когда он влюблён — мир преображается. Так всегда бывает! Он вписывает свои стихи в тетрадь Юрия Живаго. «Этот герой должен будет представлять нечто среднее между мной, Блоком, Есениным и Маяковским».

Я скажу до свиданья стихам,

моя мания,

Я назначил вам встречу со мною

в романе.

Перед своим днём рождения в 1947 году он у пианистки Марии Юдиной читал первые главы романа. Поехал с Люсей, заблудились. Нашли дом по свече, протаявшей круг на морозном окне.

«Вдруг на старости лет моя жизнь стала азартной игрой... Мне недостаёт Осипа Эмильевича. Он слишком хорошо понимал эти вещи, он, именно и сгоревший на этом огне». Пастернак сам шёл на огонь и был счастлив. Он по-прежнему думал, что его роман изменит жизнь! О Москве: «Она не смеет перемениться, пока её не опишут по настоящему».

«Шабашки» у него по-шекспировски грандиозны. Деньги нужны многим — Аннушке, так он за глаза звал Ахматову, Але Эфрон.

Работа идёт, и он влюблён, а значит, совершенно свободен.

Ты так же сбрасываешь платье,

Как роца сбрасывает листья...

Он не замечает, как на смену термину «низкопоклонство» приходит клеймо «космополитизм» (читай «антисемитизм»). Ему припомнили конец «Высокой болезни»:

Предвестьем льгот приходит гений

И гнётом мстит за свой уход...

Его не трогают. Но Ольга Ивинская арестована. «Милая печаль моя попала в беду». Подготовлены бумаги на арест Пастернака. В президиуме XIX съезда партии Сталин механически рисовал волков. «Нэ трогайте этого нэбожителя...»

Грузинские переводы спасали, «Синий цвет» Бараташвили спасал. Закончена первая часть романа. Пастернак сказал, что, когда кончит роман, тогда можно и умереть спокойно. Ариадну Эфрон сослали в Туруханск, и она дивилась его почерку — не буквы, а журавли, лебединый стан. «Твоё письмо глядит на меня живой женщиной, у него есть глаза, его можно взять за руку...»

Вспомни же Марину, помоги разыскать мамини циклы. Ты же всё теряешь и выбрасываешь и вообще ужасный растяпа. Она, мёртвая, сберегла твои письма, а ты, живой, её писем не уберёг и отдал каким-то милым людям. Лучше бы ты их сжёг своей рукой!»

Он сам так говорил об отцовских картинах на разграбленной даче. Теперь он казнит себя за давнюю невестру с родителями. И Марину не уберёг. У каждого есть такое — только глаза закроешь и зубами заскрипишь...

Он понимает, что роман не удался: «Какое несчастье этот роман... Надо стараться поскорее от него избавиться... Роман выходит банальный, плохой, да, да, но надо же кончить... Я упорствую в своих пороках и продолжаю им предаваться...»

Варлам Шаламов угадал: роман написан человеком, сказавшим когда-то: «Книга есть кубический кусок горячей, дымящейся совести — и больше ничего». Совесть — и больше ничего! «Мне всегда казалось, что именно Вы — со-